

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ СИСТЕМЫ СЕЗОННЫХ ПЕРЕКОЧЕВОК КОЧЕВНИКОВ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В VI—I ВВ. ДО Н. Э.

В статье на основании данных о хозяйстве кочевников XIII—XIV вв. и XVI—XVIII вв. предложена реконструкция маршрутов сезонных миграций, рассматриваются наиболее вероятные места зимовий и летних пастбищ кочевников, которые населяли междуречье рек Волги и Урала в середине-второй половине I тыс. до н.э.

Реконструкция системы сезонных миграций представляется важной как для изучения хозяйства кочевых племен Волго-Уралья в I тыс. до н. э., так и для понимания характера культурно-исторических процессов этого времени.

Эта проблема лишь в общих чертах была затронута в некоторых работах. По мнению К. Ф. Смирнова, радиус перекочевок у сарматов был невелик. Протяженность их летних перекочевок в Нижнем Поволжье составляла около 200 км, а в Южном Приуралье 250—400 км по прямой (Смирнов, 1964, с. 55—56). Направление передвижения скотоводов в савроматское время, по мнению исследователей, предопределилось течением рек Волги и Урала и носило преимущественно меридиональный характер. В раннесарматский период для удовлетворения потребностей возросшего количества скота и людей возникла потребность в освоении глубинных степей и маршруты перекочевок могли стать широтно-миридиональными (Мошкова, 1989, с. 204; Железчиков, 1994, с. 6). По мнению Б. Ф. Железчикова, кочевники Заволжья от берегов Еруслана, Иргиза, Камыш-Самарских озер с мест зимовок перемещались на летние пастбища в пойму р. Самары (Железчиков, 1994, с. 6, 7). Племена Уральского правобережья, по мнению исследователя, также зимовали на Узнях и по берегам Камыш-Самарских озер, лето же они проводили в верховьях Узней,

по Иргизу и, вероятно, на р. Самаре (Железчиков, 1984, с. 11). Сравнительно недавно была предпринята попытка показать, что скотоводческое население Заволжья в середине — второй половине I тыс. до н. э. могло перекочевывать на более протяженные расстояния. Северная граница их летних кочевий находилась в степях бассейна р. Самары или даже в лесостепных районах, а зимовья — в низовьях Волги (Дубман и др., 2003).

Цель данной работы — определить на основе анализа сведений письменных источников о кочевниках XIII—XIV вв. и XVI—XVIII вв. возможные варианты сезонных перекочевок скотоводческих сообществ савроматской и раннесарматской культур, а также наиболее вероятные места их летовий и зимовий в пределах всего Волго-Уральского маждуречья. Использована информация, которая содержится в сообщениях западноевропейских путешественников XIII—XVI веков (Плано Карпини, Г. Рубрук, Дженкинсон, восточных авторов периода распада Золотой Орды (Шереф-ад-дин Йезди), материалы о перекочевках ногаев с момента распада Золотой Орды до начала XVII века и сменивших их калмыков. Привлекались сведения из опубликованных источников и материалы в основном дипломатического характера из архивных фондов русских документов второй половины XVI — начала XVIII века¹ (Дубман и др., 2003; Дубман, 2005). Эта информация представлена отрывочными сведениями, которые чаще всего не связаны между собой, но во всей своей совокупности позволяют составить более или менее целостную картину сезонных миграций кочевых народов в междуречье Волги и Урала.

При реконструкции хозяйства скотоводческих социумов середины — второй половины I тыс. до н.э. следует учитывать следующие факторы.

1. Одинаковая или сходная природная среда приводит к выработке однотипных форм кочевого хозяйства. При этом фиксируется близость или тождество социально-экономической структуры древних и средневековых кочевников (Хазанов, 1975, с. 267). В ряде исследований исторические и этнографические данные о поздних кочевниках использовались для реконструкции направлений перекочевок или даже путей сезонных миграций сарматов (Таиров, 1993, с. 15).

2. Ландшафтно-климатические условия жизни кочевников раннего железного века, средневековья, нового времени в Волго-Уральском междуречье, безусловно, различались. Однако за последние 2500 лет в Восточной Европе не происходило коренных изменений природной среды, имели место только ее короткопериодные трансформации (Спиридонова, Лаврушин, 1997, с. 159). Исследование древних почв показало следующее. В Волго-Уралье с V—IV вв. до н.э. по I—II вв. н.э. существовали аридные условия с некоторым нарастанием засушливости во времени, доминировали пустынно-степные ландшафты, годовая норма атмосферных осадков составляла около 250 мм (Демкин, 1997, с. 156). Ухудшение климата, начавшееся в V в. до н.э., выражалось в нарастающей засушливости и усилении его континентальности с понижением зимних температур. В этот период, особенно в глубинных районах Заволжья, происходило уменьшение водных ресурсов, интенсифицировались процессы засоления и солонцеобразования, которые способствовали снижению продуктивности естественной травяной растительности (Демкин и др., 2000, с. 90; Демкин, 1997, с. 185). Именно в такие периоды активизировались миграционные процессы древнего населения с расширением территории их обитания (Демкин, 1997, с. 185). В XI—XIV веках установился климатический оптимум с годовой нормой осадков 300—350 мм и преобладанием сухостепных ландшафтов. В XV—XX веках происходило усиление аридизации климата с уменьшением количества осадков до современной нормы 250—300 мм/год и вторичным развитием пустынно-степных условий почвообразования (Демкин, 1997, с. 156). Ландшафтно-климатическая среда середины — второй половины I тыс. до н.э. вряд ли являлась для кочевников более благоприятной, чем в XIII—XIV и XVI—XVIII вв. Можно предположить,

¹ Архивные работы и анализ перекочевок Нагаев выполнены Э. Л. Дубманом в рамках проекта № 02-01-00264а «Кочевники Самарского Заволжья в VI—I вв. до н.э.», финансировавшегося РФНФ. Предлагаемая статья является продолжением и результатом исследований, проведенных по данному проекту.

что протяженность сезонных миграций у ранних кочевников должна была быть не меньше, чем у скотоводческих народов более позднего времени.

3. Протяженность перекочевков степняков может быть ограничена соседними оседлыми народами. Так, строительство различных укрепленных линий, осуществленное Россией в XVIII—XIX веках в урало-казахстанских степях, отрезало кочевников этого региона от их традиционных летних пастбищ (Таиров, 1993, с. 15). Такая ситуация не могла сложиться в I тыс. до н.э. на северной границе степи и в лесостепи в пределах волго-уральского междуречья. Белогорское, а впоследствии городецкое население, судя по археологическим памятникам, на левобережье Волги и в бассейне р. Самары расселялись лишь отдельными и, скорее всего, немногочисленными группами (Матвеева, 2000, с. 84, 87). Очевидно, что они не были способны каким-то образом влиять на характер передвижения кочевников в этом районе. Более того, одной из наиболее вероятных причин ухода ананьинских племен из Среднего Поволжья являлась опасность набегов со стороны кочевников-савроматов (Матвеева, 2000, с. 86).

4. На протяженность и направление перекочевков влияла, видимо, численность населения и количество скота в стадах. Следует учитывать эти характеристики при сопоставлении кочевых сообществ разных эпох. Вторую половину XIII — первую половину XIV в. исследователи рассматривают как эпоху расцвета Золотой Орды. В этот период количество кочевников в междуречье Волги и Урала резко увеличивается по сравнению с домонгольским периодом (Федоров-Давыдов, 1981, с. 231; Антонов, 2006, с. 94). В период распада Золотой Орды количество кочевого населения в этом регионе уменьшается, но все равно остается значительным (Антонов, 2006, с. 97). Поэтому кочевнические объединения этого времени можно рассматривать как полноценные социумы, нуждающиеся в освоении всех степных пространств Волго-Уральского междуречья. Ногайское общество в первой половине 16 века, вплоть до начала Второй Смуты, по мнению Э. Л. Дубмана, характеризовалось наиболее оптимальным соотношением между количеством кочевников, имеющимся у них количеством скота и пространством пастбищ, по которому они совершали свои перекочевки и соответственно стабильным состоянием социальной и хозяйственных систем (Дубман, 2005, с. 144—145). В истории кочевников середины — первой половины I тыс. до н.э. только VI в. до н.э. можно рассматривать как период освоения степных пространств Заволжья и правобережья Урала. Начиная с V в. до н.э. их общество, судя по количеству погребальных памятников, переживает демографический взрыв, основу которого должен был составлять рост поголовья скота (Пшеничнюк, 1983, с. 127).

Итак, опираясь на данные о хозяйстве кочевых скотоводов XIII—XIV вв. и XVI — первой половины XVIII в., можно предложить следующую схему сезонных перекочевков скотоводов савроматского и раннесарматского времени.

Зимовья. Зимовья ранних кочевников, занимавших степи Заволжья, должны были располагаться в низовьях Волги и на прилегающих участках побережья Каспийского моря (Дубман и др., 2003). Те кочевнические сообщества, которые населяли бассейн р. Урал, могли иметь зимовья в низовьях этой реки. В пользу этого говорит большое количество письменных свидетельств о хозяйстве средневековых кочевников.

Так, по данным Плано Карпини, Бату, кочевавший около Волги, и два монгольских тысячника, перемещавшиеся вдоль Урала (Яика), на зиму спускались к морю (Плано Карпини Дж., 1997, с. 72). Более точные и подробные сведения о месте зимовья орды Бату содержатся у Гильома де Рубрука. Рубрук пишет: «Затем я пустился в путь к Сараяу ровно за две недели до праздника Всех Святых, направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава; каждый из них почти вдвое больше реки (Нила) у Дамияетты. Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на судах в 7 местах. Вблизи этих мест пребывает около Рождества Христова Бату с одной стороны реки, а Сартах — с другой и далее не спускаются» (Рубрук, 1997, с. 180). Таким образом, Рубрук описывает волжскую дельту, которая на-

чинается к северу от г. Астрахани, там, где от Волги отделяется рукав Бузан. Далее вниз по течению р. Бузан присоединяет к себе Ахтубу. Самыми крупными водотоками дельты с запада на восток являются рукава Бахтемир, Старая Волга, Кизань, Болда, Бузан и Кигач (Природа и история Астраханского края, 1996, с. 38). Некоторые донесения, поступающие в Москву в середине XVI века от «служилых людей», свидетельствуют, что ногайские улусы западного крыла в течение зимнего периода находились недалеко от Астрахани в устье р. Волги (Дубман, 2005, с. 150—151; Поноженко, Асанов, 1993, с. 120—121).

Для ногайских улусов, кочевавших в бассейне р. Урала (Яика), низовья этой реки были наиболее удобны для зимовий. Особо благоприятными условиями отличалась территория между Яиком и его западным рукавом Сарачинкою. Здесь располагались зимовья бия Ногайской орды и наиболее приближенных к нему степных феодалов (Поноженко, Асанов, 1993, с. 121).

К 20-м годам XVIII в. относятся данные о том, что калмыки кочевали от Астрахани вверх по Волге луговой стороною до Саратова...» (Кирилов, 1977, с. 235). Можно предположить, что в районе Астрахани располагались зимовья калмыков.

Пребывание зимой на территориях, располагавшихся севернее, могло окончиться для скотоводов весьма плачевно. В частности, сами ногаи отмечали, что кочевья у Переволоки (Царицына) не были зимними, а зимовки в этом районе грозили падежом скота (Дубман, 2005, с. 162).

Маршруты перекочевок на летние пастбища. Использованные источники XIII века дают немного об этом этапе сезонных перекочевок монголов. Бату на Волге, а тысячники на Урале «по берегу этих самых рек поднимаются на горы» (Плано Карпини, 1997, с. 72). Рубрук писал, что «... с января до августа сам Бату и все другие поднимались к холодным странам, а в августе начинали возвращаться» (Рубрук, 1997, с. 116). По поводу направления откочевок ногаев с зимовий у исследователей нет единого мнения. По одной из версий передвижение кочевников со стадами на север происходило по заливным лугам вдоль Волги (Трепавлов, 2001, с. 511; Поноженко, Асанов, 1993, с. 122). Данная точка зрения согласуется вроде бы с более поздними сведениями о калмыках, которые кочуют от «... Астрахани вверх по Волге луговой стороною...» (Кирилов, 1977, с. 235). Однако в документах XVI в. есть четкие указания на то, что ногаи с зимовий уходили на северо-восток, в район Камыш-Самарских озер (Дубман, 2005, с. 148—150, 154).

Таким образом, при реконструкции путей передвижения племен савроматского и раннесарматского времени можно допустить, что были возможны два направления откочевки с зимних пастбищ. Одно — по левобережью Волги и по правому берегу Урала, в непосредственной близости от этих рек. Второе — от низовий Волги на северо-восток, а от низовий Урала — на северо-запад, в бассейн Большого и Малого Узеней, в район Рын-песков и Камыш-Самарских озер. На данном этапе исследования трудно отдать предпочтение какому-либо из этих маршрутов, хотя более вероятным представляется второй вариант.

Летние пастбища. Определить местонахождение районов, которые занимали ранние кочевники летом можно, видимо, лишь в общих чертах, без уточнения границы этих территорий.

Что говорят письменные источники в этом отношении о средневековых кочевниках? По свидетельству Плано Карпини, монгольские орды, кочуя вдоль рек Волги и Урала, летом поднимаются на горы (Плано Карпини, 1997, с. 72). Это сообщение может быть интерпретировано как свидетельство того, что орда Бату (либо какая-то ее часть) летом оказывалась в степях Самарского Заволжья напротив Жигулевских гор, либо около Сокольных гор, расположенных на левобережье Волги чуть севернее низовий ее притока — р. Самары. Если говорить о монголах, кочевавших по Уралу, то за гористую местность могут быть приняты отроги Общего Сырта.

Свидетельство того, что в золотоордынский период граница степи и лесостепи, а также южная лесостепь являлись территорией, где летом находились большие группы степняков, можно получить, обратившись к описанию результатов битвы войск Тимура и Тохта-

мышья в 1391 году. Сражение между двумя армиями произошло 18 июня 1391 года на реке Кондурча, на границе степи и лесостепи в пределах территории современного Самарского Заволжья (Сафаргалиев, 1960, с. 153, 230; Егоров, 1985, с. 220). Одержав победу, Тимур в течение 26 дней приводил в порядок свои войска. В это время отдельные отряды занялись грабежом, возвращаясь в лагерь «с бесчисленной добычей — лошадьми, верблюдами, быками, баранами и множеством рабов — девушек и детей» (Сафаргалиев, 1960, с. 156). Шереф-ад-дин Йезди в «Книге побед» сообщает, что воины Тимура захватили очень большое количество шатров «кутарме», которые служили степнякам жилищами, а в лагере оказалось столько девушек и отроков, что только тех, кого отобрали для Тимура, было более 5000 человек (Тизенгаузен, 1941, с. 172—173).

Обратимся к более позднему периоду истории заволжского кочевого населения. Имеющиеся документы позволяют говорить о том, что бассейны малых рек Самары и Большого Кинеля до начала XVII в. являлись основным районом летних кочевий степняков-ногаев, а затем после их вытеснения — калмыков (Дубман и др., 2003, с. 67—69). По степям в бассейне этих рек ногаи рассредотачивались, появляясь из глубинных степей междуречья Волги и Урала (Поноженко, Асанов, 1993, с. 123; Дубман, 2005, с. 152—159). Первоначально летние пастбища ногаев простирались вплоть до устья Камы. Причем сведения о том, что улусы кочевников размещались на левобережье Камы, как правило, встречаются только до 1580-х гг., а в более поздний период таковой границей обычно называют реки Самару и Большой Кинель. При этом использовались также территории в бассейне р. Большой Иргиз, пойменные луга Волги в ее среднем течении (территория между городами Самарой и Саратовом) (Дубман и др., 2003, с. 67) и Урала (Поноженко, Асанов, 1993, с. 123).

Калмыки, сменившие ногаев, также первоначально избрали для своих летних кочевий пастбища по р. Самаре и близлежащим рекам (Моче), добиваясь подтверждения своих прав на это у представителей русской администрации (Дубман и др., 2003, с. 70). По мнению исследователей, северная граница их кочевий проходила по р. Самаре и Б. Кинелю (Очерки истории Калмыцкой АССР, 1967, с. 144.)

Некоторые документы содержат сведения о том районе, откуда ногаи приходили на лето в бассейн р. Самары. В частности, в переписке между астраханскими воеводами князем Ф. Лобановым-Ростовским, Р. Пивовым и М. Бурцовым и самарским воеводой Г. О. Засекиным, говорится о том, что именно власти Астрахани «велели Урусову сыну князю Янарлан мурзе по Волге вверх к Самаре кочевати ...» (Дубман и др., 2003, с. 68—69).

В некоторых источниках зафиксировано, что кочевники летом находились гораздо южнее. В частности, англичанин А. Дженкинсон, проплывая по Волге в 1558 г., увидел ниже Переволок (современный Волгоград) на волжских берегах орду Исмаила, кочевавшую там с многочисленными стадами в первой половине июля (Дженкинсон, 1936, с. 46). Этот факт трудно объяснить, так как несколькими годами раньше летние пастбища Исмаила располагались недалеко от Камы (Дубман, 2005, с. 152—154). Известны случаи, когда отдельные ногайские коллективы проводили лето на зимних пастбищах, что было связано с неурядицами в орде и по травой пастбищ другими группами кочевников (Дубман, 2005, с. 162). В XVIII в. калмыки и небольшие группы ногаев проводили лето в районе Камыш-Самарских озер (Трепавлов, 2001, с. 164—167). Объясняется это тем, что в конце XVII — первой трети XVIII в. началось ограничение территорий кочевий и перемещение северных границ их кочевий на юг, в менее благоприятные для летовий районы (Булатов, 2000, с. 132; Дубман и др., 2003, с. 67—68).

Маршруты перекочевок на зимние пастбища. Наиболее вероятными маршрутами перекочевок на зимние пастбища для ранних кочевников, судя по сообщениям о средневековых народах, пролегли в непосредственной близости от рек Волги и Урала. Маршрут вдоль левого берега Волги был наиболее удобен для скотоводческих групп, чьи летние пастбища в пределах Заволжья находились в долине реки Волги, а также в низовьях волжских притоков: Самары, Чапаевки, Чагры, Безенчука, Большого Кинеля, Большого Ирги-

за, Сока, Кондурчи, Еруслана. Логичным является предположение, что скотоводческие группы, кочевавшие летом в верхнем и среднем течении рек Самары и Б. Кинеля, в верховьях Большого Иргиза могли, продвигаясь на юг, попадать на правобережье Урала и, спускаясь далее, оказываться на зимовьях в низовьях этой реки.

На передвижение монголов в конце лета — осенью именно вдоль Волги вполне ясно указывает Рубрук, сообщая, что вместе с ордой Бату они в августе направлялись прямо на юг в сторону зимовий и спускались по берегу Этилии (Рубрук, 1997, с. 180).

Имеются сведения о маршрутах перекочевок на зимники у ногаев. В частности, русский посол Д. Губин в 1536 г. сообщал, что некоторые ногайские мурзы откочевали с летних пастбищ вниз по Волге и уже в конце августа — начале сентября находились против Переволоки, то есть в районе г. Волгограда. В этом же районе, судя по сведениям, полученным в Москве 19 октября 1552 г., в середине — второй половине сентября кочевал улус Белек-Пулада. В 1553 г. гонцы от ногаев, попав в Москву 29 ноября, сообщали, что орда Исмаила кочевала на Ахтубе. Таким образом, можно предположить, что ногайские улусы постепенно в результате летних перекочевок переходили с верховьев в нижнее течение рек Большого и Малого Кинелей, Самары, Ика, Большого Иргиза и т. д., а затем вдоль берега Волги двигались на юг. (Дубман, 2005, с. 161—163). Некоторые исследователи полагают, что кочевники с летних пастбищ на зимние передвигались через Узени (Поноженко, Асанов, 1993, с. 124).

Интересно, что представители социальной элиты могли кочевать как у Волги, так и около Урала. В частности, по словам бия (князя) Большой Ногайской Орды Исмаила, он «жил» девять месяцев на Волге, а три — на Урале (Дубман и др., 2003, с. 70).

Подведем итоги. Опираясь на данные письменных источников о перекочевках скотоводческого населения в XIII—XIV веках и в XVI — первой половине XVIII века можно предположить следующую картину сезонных миграций ранних кочевников в середине — второй половине I тыс. до н.э. Зимовья этих номадов располагались в низовьях Волги и Урала, летовья — на границе степи и лесостепи, а также в южной лесостепи (пойма Волги, бассейны рек Самары, Чапаевки, Чагры, Безенчука, Большого Кинеля, Большого Иргиза, Сока, Кондурчи, Еруслана). Остается неясным, как далеко на юг простиралась территория летних пастбищ. С зимовий на летние пастбища скотоводы передвигались через район Узеней, Камыш-Самарских озер, Рыпесков (что кажется в настоящее время более предпочтительным), либо по берегу Волги и Урала. Перекочевка на зимние пастбища происходила по берегам Волги и Урала. В зависимости от конкретных условий природного, экономического социально-политического характера эта картина могла изменяться, в том числе за счет усложнения или упрощения. В частности, например, при политическом единстве кочевников, населявших степи у Волги и Урала, представители социальной элиты могли кочевать по берегам то одной, то другой реки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонов И. В., 2006. Этническая история Волго-Уральского региона в XIII — начале XV вв. (историко-археологическое исследование). Уфа, 238 с.

Булатов В. Э., 2000. Система сезонных кочевий калмыков в XIX веке // Сезонный экономический цикл населения северо-западного Прикаспия в бронзовом веке. Труды ГИМ. Вып. 120. М., с. 131—142.

Демкин В. А., 1997. Палеопочвоведение и археология. Пушино, 214 с.

Демкин В. А., Демкина Т. С., Песочина Л. С., 2000. Палеоэкология восточноевропейских степей в скифо-сарматское время // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., с. 87—90.

Дженкинсон А., 1936. Путешествие от города Москвы в России до города Бухары в Бактрии // Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV—XVIII веках. Сталинград, с. 41—49.

Дубман Э. Л., Мышкин В. Н., Матвеев В. И., Соловьева В. В., 2003. Некоторые особенности хозяйственного использования степных пастбищ Самарского Заволжья скотоводческими племенами в VI—I вв. до н.э. (опыт реконструкции по данным письменных источников о хозяйстве

кочевников XIII—XIV вв. и XVI — первой половины XVIII в.) // Краеведческие записки. Вып. XI. Самара, с. 46—81.

Дубман Э. Л., 2005. Особенности системы кочевания у ногайского сообщества середины XVI в. (на примере ногаев Волго-Уральского междуречья) // Краеведческие записки. Вып. XI I. Самара, с. 140—168.

Егоров В. Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 248 с.

Железчиков Б. Ф., 1984. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, с. 3—17.

Железчиков Б. Ф., 1994. Сарматы как номады // Проблемы всеобщей истории: Материалы научной конференции, Волгоград, сентябрь 1993 г. Волгоград, с. 4—13.

Кирилов И. К., 1977. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 444 с.

Матвеева Г. И., 2000. Памятники оседлых племен лесной зоны Самарского Поволжья (белогорская и городецкая культуры) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., с. 82—89.

Мошкова М. Г., 1989. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., с. 202—214.

Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. 1967. М.

Плано Карпини Дж., 1997. История Монголов. М.

Поноженко Е. А., Асанов А. М., 1993. Регламентация пастбищного землепользования у невековых ногайцев // Половецкая луна. № 1-2/5-6. Черкесск.

Природа и история Астраханского края. Астрахань. 1996. 364 с.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 200 с.

Рубрук Г., 1997. Путешествие в восточные страны. М.

Сафаргалиев М. Г., 1960. Распад Золотой Орды. Саранск.

Смирнов К. Ф., 1964. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. № 3.

Спирidonова Е. А., Лаврушин Ю. А., 1997. Корреляция геолого-палеоэкологических событий голоцена арктической, бореальной и аридной зон Восточной Европы // Четвертичная геология.

Таиров А. Д., 1993. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург: УИФ «Наука», с. 3—23.

Тизенгаузен В. Г., 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из сочинений арабских. М.

Трепавлов В. В., 2001. История Ногайской Орды. М., 752 с.

Федоров-Давыдов Г. А., 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., с. 229—236.

Хазанов А. М., 1975. Социальная история скифов. М.